Шимукович Сергей
ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Shymukovich Serguei
National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 94(476:316.344.42)«18/19»

БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ ПЕРИОДА «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ

BELARUSIAN REGIONAL ELITES OF THE PERIOD OF «LONGER XIX CENTURY» AS A SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH: THE SUBSTANTIATION OF THE CONCEPT

В статье обосновывается необходимость применения мультидисциплинарного подхода к анализу истории развития белорусского региона в период «долгого XIX века». Исторический процесс понимается автором как результат деятельности глобальных и региональных элит с учетом специфики нахождения белорусского региона в составе Российской империи. Исследование процесса трансформации белорусских региональных элит на протяжении «долгого XIX века» с помощью известных в социологии методов дает возможность расширить оценки историко-социального процесса в данном регионе в обозначенном историческом периоде.

Ключевые слова: «долгий XIX век»; белорусский регион; региональные элиты; контрэлита; квазиэлита; теории элит; методы исследования элит.

The article substantiates the necessity of applying a multidisciplinary approach to the analysis of the development history of the Belarusian region during the «long XIX century». The historical process is understood by the author as a result of the activity of global and regional elites taking into account the specifics of the location of the Belarusian region within the Russian Empire. The study of the process of transformation of Belarusian regional elites throughout the «long XIX century» with the help of methods known in sociology makes it possible to expand the assessments of the historical social process in this region in the designated historical period.

Keywords: «long XIX century»; the Belorussian region; regional elites; counter-elite; quasi-elites; the theory of elites; methods for studying elites.

На протяжении XIX века белорусы прошли очень долгий, сложный и противоречивый путь развития, который привел их в XX веке к оформлению собственной государственности вопреки беспрецедентному давлению, которое оказывали на формирующуюся нацию соседние государственнические национальные и имперские проекты. С точки зрения этих

проектов белорусская территория и населявшие ее люди рассматривались представителями соответствующих элит в рамках собственных концепций развития, предполагавших как процессы унификации белорусов в рамках существующей российской государственности, так и в попытках возрождения польской государственности, утерянной в последнем десятилетии XVIII века.

История XIX века во всей ее специфике достаточно логично и обоснованно представлена в предложенной Эриком Хобсбаумом концепции «долгого XIX века». В своих обобщающих трудах, посвященных событиям, произошедшим на европейском континенте с момента Великой французской революции и до Первой мировой войны, этот историк-марксист достаточно точно подметил все специфические черты данного периода [1].

В это время происходило становление и окончательное закрепление буржуазного общества с его ценностями и нормами поведения, многократно ускорилась социальная мобилизация, в рамках экономической модернизации победили индустриальные производственные отношения, нормой стала автономия искусств, техническая и интеллектуальная рационализация, инновационное и прогрессистское мышление, оформилась и закрепилась национальная государственность, произошли иные глобальные перемены, которые олицетворяли оформление предпосылок классического модерна [2, с. 322].

«Долгий XIX век» – это еще и время господства в Европе империй, которые диктовали правила в геополитике и реализовывали унификационные проекты государственности на собственной территории. Территория современной Беларуси была включена в состав Российской империи на протяжении нескольких десятилетий второй половины XVIII века, и, таким образом, история белорусских земель в «долгом XIX веке» – это история белорусского региона в составе Российской империи со всеми особенностями статуса данной территории как «внутренней окраины», которую пусть и непоследовательно, но верно продвигали к положению «ядра» империи [3]. Тем не менее, в полном непротиворечии с инструменталистской концепцией Э. Хобсбаума, в которой национализм рассматривается как политический инструмент, белорусские земли, как и многие иные регионы, ранее являвшиеся частями европейских империй, обрели собственную национальную государственность в период краха империй в начале XX века. То, что белорусская государственность смогла утвердиться только в усеченном виде в форме советский республики, в данном случае не представляется принципиально существенным, значение имеет тот факт, что государственность стала реальностью, и это было результатом деятельности определенных социальных сил.

Таким образом, «долгий XIX век» для Восточной Европы начался с разделов Речи Посполитой, и именно эти события более чем на столе-

тие определили условия и параметры существования народов данного суперрегиона в составе «великих европейских империй» – Российской, Австро-Венгерской и Германской (которая возникла благодаря мощному историческому рывку Пруссии в этом же XIX веке). Исследователь, который занимается указанным периодом, на наш взгляд, должен учитывать специфику данных условий. Так, по мнению историка Л. Е. Горизонтова, «имперская проблематика предполагает взгляд не избирательно-этнический, а системно-региональный, ибо континентальные империи представляли собой симбиоз достаточно неоднородных славянских этносов с их еще более неоднородными неславянскими соседями» [4, с. 116]. В этой связи именно региональный характер элит, а не их национальная принадлежность, приобретает первостепенное значение, поскольку данный признак способен максимально полно раскрыть специфику развития региона.

Динамика исторических процессов в период «долгого XIX века» привлекла внимание исследователей к контингентности социальных процессов и привела к появлению на рубеже XIX–XX веков целого ряда фундаментальных трудов, на сегодняшний день являющихся классикой элитологии (Г. Моска, 1896; Р. Михельс, 1911; В. Парето, 1916 и др.). Вильфредо Парето ввел в научный оборот термин «элита», которую он определял как группу лиц, получивших наивысший индекс в своей деятельности, достигших в определенных сферах высшего ровня компетентности, в силу чего они занимали высокое положение в обществе, оказывали политическое, социальное и экономическое влияние на происходившие события, зачастую сами их же инициируя и конструируя. При этом исследователь уделял особое внимание мотивации поступков людей, в данной связи политика выступала у него в качестве функции психологии, а элитарность общества он объяснял в том числе и психологическим неравенством индивидов [5, с. 59–63].

При том, что критика со стороны коллег по ученому цеху как предложенного термина, так и самой концепции элит В. Парето была жесткой, понятие «элиты» прочно вошло в лексикон ученых гуманитарного профиля, а теории элит, новые интерпретации и определения данного термина появляются с завидной регулярностью и в наши дни. Общее представление о состоянии элитологии на сегодняшний момент дают научные публикации Н. С. Бирюковой и А. В. Дука в научных социологических журналах [6; 7].

Анализируя исторические события вне зависимости от их принадлежности к историческому периоду либо географическому региону, полагаю правильным использовать междисциплинарный подход и методологические наработки, принципы и подходы, относящиеся к смежным для истории отраслям знания, прежде всего социальной антропологии, психологии, культурологии, социологии, политологии и т. д. Историю

белорусского региона весьма перспективно рассматривать как историко-социологический процесс во всем его многообразии и специфике. При этом перспективным объектом изучения становятся региональные элиты, которые занимали активную социальную позицию и пытались реализовать проекты самого разного характера и значения на обозначенной территории.

К настоящему времени в социологии сформировалось два основных подхода к определению элит, которые можно обозначить как 1) альтиметрический, стратификационный или функциональный и 2) ценностный, аксиологический либо меритократический. Первым оформился альтиметрический подход, в рамках которого элиты представлялись чаще всего как закрытые социальные группы, при этом основным критерием их выделения являлось обладание ими властью. Данный подход зачастую продолжает главенствовать в политической философии и истории в силу простоты выявления групп, обладающих властными полномочиями, и их описания с использованием традиционных критериев. Белорусская историческая научная традиция также ориентируется на понимание элит как групп, обладавших властью, т. е. рассматривает их как представителей институтов официальной власти – чиновников, военных, полицейских и т. д.

Однако второй подход к определению элит позволяет отойти от политологического детерминизма и использовать в качестве критериев определения и описания элит аксиологические параметры. Этот подход более сложен в части выявления элит как социальных групп, поскольку не апеллирует к очевидным параметрам и критериям, а отсылает к трудно фиксируемым и просчитываемым признакам и описаниям. Понимание элиты как энергичной части общества, а представителя элиты как человека энергии (Х. Ортега-и-Гассет), способного решать проблемы и побуждать к действию [6, с. 4], при этом не обязательно обладающего формальными властными полномочиями в рамках действующих официальных институтов, усложняет процесс идентификации, но предоставляет широкие возможности для исследователя. Именно второй подход наиболее приемлем (но и трудозатратен) при изучении белорусских региональных элит на протяжении «долгого XIX века».

Идентификация и анализ элит как части общества, находящейся на вершине власти, тривиален, как отмечает А. В. Дука, поскольку все общества и все организации имеют управленцев и высших должностных лиц и анализ их структуры ничего нам не говорит о сути происходящих социальных процессов [7, с. 8]. При анализе исторических событий, определявших повестку развития белорусского региона в составе Российской империи, полагаем важным не только выявить формальные элиты, обладавшие властными полномочиями, т. е. представителей чиновничества, церковной иерархии, иных представителей имперских властных институтов, но и идентифицировать и изучить представителей иных социаль-

ных групп, отстраненных от власти, но занимавших весьма активную позицию по многим важным вопросам политического, социального, экономического, культурного развития белорусского региона и активно продвигавших соответствующие региональные проекты как через легальные институты и механизмы, так и посредством запрещенных в Российской империи форм и методов деятельности.

В рамках функционального подхода Сьюзан Келлер ввела понятие «стратегических» элит, в дополнение к нему был предложен термин «суперэлита», или элита в системе элит. Это объяснялось тем, что не все элиты были одинаково влиятельны, таким образом, менее влиятельный уровень элит предлагалось обозначить как «субэлиты», «региональные элиты» и т. д. В самой политической элите было предложено различать правящую элиту и оппозиционную, или «контрэлиту» [6, с. 9, 11]. Данные наработки позволяют нам вполне обоснованно использовать термин «региональные элиты», когда мы говорим о белорусском регионе и идентифицируем социально активные группы на его территории в период «долгого XIX века».

Как отмечает российский социолог А. В. Дука, «... исследование элит начинается с простой процедуры их идентификации <...> другими словами – где и как ее искать? Эта начальная процедура осуществляется или на основе определенной теории, или на основе научного или обыденного здравого смысла. Второе среди исследователей доминирует» [7, с. 9]. Полагаем, что для идентификации белорусских региональных элит наиболее правильным будет использовать сочетание как положения теорий элитологии, так и научный здравый смысл, с помощью которого можно предложить решение проблем, касающихся объяснения белорусской специфики и не находящих решения в рамках предшествующих элитологических концепций, разработанных в иных исторических и социальных условиях. Не всегда данные теории оказываются валидными при проверке в других национальных условиях.

На сегодняшний момент в социологии существует значительное число научных методов идентификации групп элит, но чаще всего применяют четыре основных метода, которые используют наработки как функционального, так и меритократического подхода к пониманию данного социального явления. Эти методы подходят как для теоретических, так и для эмпирических исследований. Они называются в соответствии с тем, что является предметом анализа исследователя: позиционный или институциональный, формальный метод; метод репутационного анализа; проблемный метод, или метод анализа принятия решения; рекрутационный метод.

Метод позиционно анализа получил широкое распространение в силу того, что элиты более полно могут быть представлены в формальных государственных институтах. Как отмечает А. В. Дука, «здесь мы имеем

два видения элиты: то, что можно назвать чисто функциональным подходом и позиционно-потенциальным подходом» [7, с. 11]. В рамках данного метода анализу подлежат политические элиты, встроенные в имеющиеся властные институты в соответствии с существующей организационной структурой органов управления. Преимущество данного метода заключается в его простоте и доступности для исследователей, поскольку для выявления элит могут использоваться списки политиков, чиновников и иных лиц, обличенных властными полномочиями, а в соответствии с организационной структурой органов управления данные элиты могут быть проранжированы по степени своего влияния.

В XIX веке в Российской империи уже достаточно полно публиковались списки чиновников разного уровня как центральных, так и местных органов власти, так что в наличии источников для анализа недостатка нет. Однако данный метод имеет существенный недостаток, поскольку к элитам могут быть причислены лица, обладающие властью лишь по формальному признаку. В то же время на общественно-политические события могли оказывать существенное влияние лица, не занимающие официальных должностей, однако оказывающие влияние на лиц, обличенных формальной властью. Таким образом, реальные носители власти могут оказаться за пределами внимания исследователя.

Специфика управленческой традиции белорусского региона в период «долгого XIX века» также нивелирует основные достоинства данного метода, поскольку официальные органы губернского и уездного управления комплектовались преимущественно чиновниками из центральных российских губерний, в то время как лояльные центральной власти представители местного сообщества привлекались на рядовые должности исполнителей или низовые руководящие должности. В отличие от еще одного региона империи – Финляндии, также находившегося в зоне фронтиров (противостояние России со Швецией), где еще в начале XIX века был оформлен автономный статус и появилась возможность формирования собственной управленческой элиты на всех уровнях регионального управления [8, с. 73–76], в белорусском регионе такая возможность не была реализована (план Огинского 1811 года о придании автономного статуса Великому Княжеству Литовскому был отвергнут Александром I).

Правительство Российской империи не доверяло местному привилегированному сообществу (т. е. региональным элитам), поскольку оно неоднократно показывало свою нелояльность и даже враждебность центральной власти (в частности, поддержка Наполеона, неоднократные восстания и деятельность антиправительственных организаций). Таким образом, метод позиционного анализа позволяет в первую очередь выявить представительство глобальных имперских элит в белорусском регионе, в то же время местные региональные элиты чаще всего остаются за границами анализа в рамках этого подхода. Тем не менее, данный ме-

тод вполне применим для выявления и оценки процессов трансформации местных элит, поскольку позволяет показать изменение количественного и качественного представительства местных уроженцев в имперских институтах власти, что может говорить об изменении отношения местных региональных элит к имперской форме государственности от ее преимущественного неприятия и противостояния ей в начале рассматриваемого нами исторического периода до принятия текущей ситуации и установления определенных форм лояльности по отношению к официальной власти к началу XX века.

Ряд недостатков позиционного метода позволяет преодолеть метод репутационного анализа элит, основанный на выявлении значимых и важных фигур в общественной жизни определенного сообщества, которые, не обладая формальной властью, способны оказывать влияние на принимаемые решения в силу своей репутации в обществе. Разработчиком данного метода является американский социолог Флойд Хантер, исследовавший во второй половине XX века структуры власти в Атланте (США).

Исследование в рамках репутационного анализа элит применялось для выявления элит в режиме реального времени, поскольку процесс включает несколько действий, в ходе которых выявляется перечень общественных «лидеров» региона, среди которых могут быть влиятельные бизнесмены, издатели, адвокаты, врачи, другие лица, пользующиеся авторитетом как у общества, так и у представителей власти. Одновременно с учетом половозрастных и этнических и иных схожих характеристик выявляются «эксперты», которые представляют различные деловые, профессиональные сферы деятельности. В свою очередь «эксперты» отбирают из первого списка так называемых «настоящих лидеров», при этом отнесение каждого конкретного индивида основано на наличии определенной репутации у «экспертов». В дальнейшем работа проводится с отобранными лицами на предмет уточнения списка влиятельных лиц, степени их знакомства между собой и т. д. Эта процедура не совсем применима в полном объеме в отношении выявления и анализа элит, действовавших в прошедшие исторические периоды, не все этапы указанного метода возможно реализовать. А. В. Дука отмечает, что в элитологии встречаются и другие варианты репутационного анализа, в частности, основанные на идентификации авторитета конкретной личности [7, с. 17].

В этой связи выявление списка авторитетных неформальных «лидеров» белорусского региона периода «долгого XIX века» провести вполне возможно, а роль «экспертов» могут выполнить современные исследователи. При этом источниковой базой в рамках репутационного метода могут быть публикации регионалистов в центральных и местных периодических изданиях, обширная мемуарная литература, переписка известных лиц, многочисленные экспертные и аналитические записки и т. д. В бе-

лорусском регионе Российской империи с появлением выборных органов местного управления, с началом элекционных процессов, связанных с выборами в Государственную думу, в начале XX века список документальных материалов, применимых для анализа в рамках данного метода, значительно возрастает. Усложняет использование репутационного метода выявления и исследования элит возможность субъективного отношения современного исследователя в отношении конкретных исторических личностей и объективная трудность обработки масштабного массива разнообразной источниковой базы.

Проблемный метод, или метод анализа принятия решения, считается наиболее точным в определении элит. Он сложен при эмпирических исследованиях, поскольку основан на необходимости проведения масштабного анализа обширного комплекса документов (прежде всего официального делопроизводства) с целью выявления лиц, причастных к принятию решений вне зависимости от их формального статуса. Проблемный метод допускает, что лица, причастные к принятию решений, к влиянию на развитие общественных и иных процессов, могут занимать и официальные должности, и (или) быть причастными к контролю критически важных ресурсов, могут обладать исключительной компетентностью либо авторитетом, либо находиться в центре неких неформальных «сетей» [7, с. 18]. Интерес для исследователя представляет как локализация центра принятия решений, так и предметная область их реализации. В силу данного обстоятельства на практике исследователь в состоянии проанализировать ограниченное число решений, а результаты исследования зачастую зависят от выбора предметной области рассматриваемых проблем. Таким образом, при анализе узкой группы управленческих решений можно идентифицировать только узкоспециализированный слой элиты.

Белорусская региональная специфика «долгого XIX века» предоставляет широкие возможности для проведения исторических исследований по выявлению, классификации и изучению региональных элит на основе данного метода в отношении разных этапов обозначенного хронологического периода. Такая возможность появляется благодаря широкому кругу исторических источников, представленных в первую очередь документами официального делопроизводства, а также всевозможными «мнениями», экспертными и аналитическими материалами, проектами и т. д., в которых возможно проследить как авторство, так и успешность реализации предложенного проекта.

Четвертый метод рекрутационного анализа, по мнению А. В. Дука, «весьма точно схватывает взаимоотношения разных социальных групп, отношение социальной структуры и элит» [7, с. 10]. Его использование должно способствовать поиску ответа на вопрос, откуда берутся элиты, как они возобновляются. Данный метод весьма актуален для историков, которые изучают процессы трансформации региональных элит в

белорусском регионе в период «долгого XIX века», поскольку в рамках возможностей, которые он представляет, можно проанализировать как происходившие изменения в механизмах рекрутинга представителей региональных элит в состав имперских элитарных сообществ, так и трансформацию механизмов поддержания региональных элит, не желавших консолидироваться с имперскими институтами и предлагавших альтернативные проекты развития региона.

Сочетание перечисленных социологических методов выявления и изучения региональных элит с основными универсальными методами исторической науки дает возможность историку раскрыть поставленные перед исследованием задачи по атрибуции и изучению региональных элит на территории Беларуси в период «долгого XIX века» и достичь запланированной цели научной работы. Круг имеющихся в распоряжении историка в первую очередь опубликованных, а также неопубликованных, введенных в научный оборот и еще неизвестных, но потенциально важных исторических источников, позволяет использовать преимущества каждого из четырех рассмотренных социологических методов исследования элит и преодолеть их недостатки за счет сильных сторон каждого из методов, а также за счет дополнительного использования методов исторической науки в совокупности с методами смежных наук (социальной антропологии, психологии, политологии и т. д.). В данной связи региональные элиты представляются весьма перспективным объектом исторического исследования, которое значительно обогащается при использовании методов смежных гуманитарных наук.

Список использованных источников

1. *Хобсбаум, Э.* Век революций: 1789–1848 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Л. Д. Якуниной. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.; *Хобсбаум, Э.* Век капитала: 1848–1875 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Т. Горяйновой, В. Белоножко. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.; *Хобсбаум, Э.* Век империй: 1875–1914 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Е. С. Юрченко, В. П. Белоножко. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 512 с.

2. *Ананьева, А.* «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории / А. Ананьева // Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 368 с.

3. *Шимукович, С. Ф.* Методологические подходы к исследованию политики имперской унификации в отношении белорусского региона в XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность: сб. ст. IV Междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во Казан. гос. архитектур.-строит. ун-та, 2015. – С. 197–205.

4. *Горизонтов, Л. Е.* Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований / Л. Е. Горизонтов // Российское славя-

новедение в начале XXI века: задачи и перспективы развития: сб. материалов Всерос. совещания славистов, Москва, Ин-т славяноведения РАН, 23–24 окт. 2003 г. / отв. ред. В. К. Волков. – М.: Стратегия, 2005. – С. 116–130.

5. *Парето, В.* Компендиум по общей социологии / В. Парето // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. – С. 59–67.

6. *Бирюкова, Н. С.* Социально-философский анализ концепта «элита» в классических и постклассических теориях элитообразования / Н. С. Бирюкова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. – 2012. – № 4(12). – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru . – Дата доступа: 25.10.2017.

7. *Дука, А. В.* Вариантность социологии элит / А. В. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII, № 4(81). – С. 5–23.

8. *Мейнандэр, Х.* Гісторыя Фінляндыі: лініі, структуры, пераломныя моманты / Х. Мейнандэр; пер. са швед. В. Рызмаковай. – Мінск: Маст. літ., 2017. – 198 с.

Загорнов Александр
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Беларусь

Zagornov Alexsander
Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus

УДК 340.1(476)

ВОЛОСТНОЕ ПРАВОСУДИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

VOLOST JUSTICE IN THE BELARUS PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: THE ORGANIZATIONAL-LEGAL ASPECT

В статье анализируется тема учреждения и правового закрепления волостного правосудия на белорусской территории. Рассмотрены вопросы организационного и правового обеспечения деятельности волостных судов. Отмечено, что крестьянская система правосудия в целом положительно влияла на изменение статуса крестьян и способствовала складыванию единого правового пространства.

Ключевые слова: правосудие; волостной суд; крестьяне; юстиция.

The article analyzes the theme of establishment and legal consolidation of volost justice in the Belarusian territory. The questions of organizational and legal support